

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ XXVI (2)

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY XXVI (2)

Proceedings of the 26th Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

27–29 июня 2022 г. — June 27–29, 2022

Санкт-Петербург
2022

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVI (2) (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 27–29 июня 2022 г. / Гл. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. — 706 с.
(= Индоевропейское языкознание и классическая филология, 26 (2), 2022).

Indo-European linguistics and classical philology XXVI (2) (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 27–29 June, 2022 / Edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2022. — 706 p.
(= Indo-European linguistics and classical philology, vol. 26 (2), 2022).

ISSN 2306-9015 Indoevropskoe âzykoznanie i klassičeskaâ filologiâ
ISSN 2658-6452 (электронная версия)
DOI: 10.30842/ielcp2306901526

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик РАН Н. Н. Казанский (отв. редактор);
д. филол. н. А. А. Алексеев (СПбГУ),
Prof. Dr. V. Blažek (Вгно), д. филол. н. Н. А. Бондарко (ИЛИ РАН),
д. истор. н. Н. В. Брагинская (РГГУ),
д. филол. н. А. Ю. Братухин (Пермь, ПГНИУ),
к. филол. н. Г. М. Воробьев (ИЛИ РАН)
д. филол. н. Н. П. Гринцер (РАНХиГС), Prof. Dr. H. Eichner (Wien),
к. филол. н. П. А. Кочаров (ИЛИ РАН),
к. филол. н. Е. Р. Крючкова (ИЛИ РАН, отв. секретарь),
Prof. Dr. D. Petit (Paris), д. истор. н. А. В. Подосинов (МГУ/ИВИ РАН),
д. филол. н. А. Н. Соболев (ИЛИ РАН), д. филол. н. А. И. Солопов (МГУ),
д. филол. н. А. И. Фалилеев (ИЛИ РАН), к. филол. н. А. В. Шацков (ИЛИ РАН)

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Конференция проходит в рамках постоянно действующей
Школы индоевропейского сравнительно-исторического языкознания
при ИЛИ РАН

ISSN 2306-9015

ISSN 2658-6452 (электронная версия)

DOI: 10.30842/ielcp2306901526

© Коллектив авторов, 2022

© ИЛИ РАН, 2022

А. И. Фалилеев
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
a.falilejev@gmail.com

CELTO-IRANICA. I. К ВОПРОСУ ОБ ИЗОГЛОССАХ И ПАРАЛЛЕЛЯХ В МОРФОЛОГИИ¹

Памяти В. П. Калыгина и А. А. Королева.

В статье рассматриваются изоглоссы и параллели в морфологии, обнаруживаемые в кельтских и иранских языках. Кельто-иранские изоглоссы традиционно анализируют в кельто-индоиранском контексте, основанном на общем индо-европейском наследии. Исследование критически рассматривает недавние кельто-иранские сближения, показывая неотделимость др.-инд. компонента при их анализе. Попутно дается критика недавней попытке реанимировать теорию П. Кречмера о контактной природе этих соответствий. Значительное внимание уделяется морфологическим параллелям между кельтским и иранским, которые следует рассматривать на нескольких уровнях. Понятно, что древнейшие из них неотделимы от др.-индийских и должны рассматриваться или в общем контексте индоевропейистики, и/или на фоне данных других «восточных» и.-я. языков. В работе рассматривается ряд сочетаний рефлексов превербов и глаголов в кельтском и иранском. Эти параллели, безусловно отражающие и.-е. наследие, не являются эксклюзивными и не могут быть использованы для установления степени взаимосвязей между кельтским и иранским. Так как в исследовании не рассматриваются кельто-иранские связи, постулированные для античности и средневековья, что нуждается в переоценке, проанализированный материал возможно интерпретировать исключительно на и.-е. фоне и в контексте индо-иранистики.

Ключевые слова: кельтские языки, иранские языки, историческая морфология, этимология, индоевропейистика.

A. I. Falilejev
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. a.falilejev@gmail.com

Celto-Iranica. I. Isoglosses and morphological parallels, revisited

The article deals with isoglosses and parallels in morphology shared by Celtic and Iranian. Celto-Iranian isoglosses are traditionally viewed within a Celto-Indo-Iranian context based on the common Indo-European heritage. The paper critically considers a number of recently offered Celto-Iranian equations, also indicating the necessity of referring to Old Indian data in their discussion. In addition, it criticises the recent attempt to revive

¹ Исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного грантом РФФИ 20-012-00367 «Индоевропейские морфологические изоглоссы».

Kretschmer's theory on the contact origins of these isoglosses. Celto-Iranian morphological parallels should be analysed in several layers. Obviously, the earliest of them are inseparable from the data obtained from Old Indian and should be analysed within a PIE context and/or against the data of other "eastern" IE languages. Reflexes of the same PIE preverbs and verbs combined are attested in Celtic and Iranian, and at face value these "new" verbs indeed show exact etymological and structural parallelism. Nevertheless, this parallelism is not all-exclusive and for several reasons not illuminating; this set of data generally cannot contribute to our understanding of Celto-Iranian relationships. As the question of Celto-Iranian linguistic contacts in antiquity and the Middle Ages advocated by some academics is ignored here, although is intended to be revisited, it is obvious that Celto-Iranian linguistic parallels should be viewed within the context of Indo-Iranian and IE data.

Key-words: Celtic, Iranian, morphology, etymology, Indo-European.

Предлагаемые ниже размышления о кельто-иранских изоглоссах и морфологических параллелях следует предварить длинной цитатой из ставшей уже классической книги В. П. Калыгина и А. А. Королева (2006: 40)²:

«Особый интерес представляют кельто-индоиранские изоглоссы. В данном случае общий источник заимствования трудно себе представить, взаимовлияние обеих традиций также исключено. Следовательно, остается предположить, что явления, засвидетельствованные в противоположных ареалах зоны, занимаемой индоевропейскими языками, восходят к праязыковому состоянию (если, разумеется, доказано, что они не являются результатом параллельного развития)».

В приведенной цитате выкристаллизованы основные положения, связанные с рассмотрением указанной в заглавии настоящей работы темы. Во-первых, собственно кельто-иранские схождения традиционно рассматриваются на общем фоне кельто-индо-иранских изоглосс, ср. Ködderitzsch 1997. Это касается, в первую очередь, лексики, как, например, известнейшее сопоставление др.-ирл. *aire* 'свободный член племени' с др.-инд. *árya-* 'ариец' и др.-перс. *ariya-* 'ариец, иранец', см. EDIL I: 222; EWAia I: 174; Matasović 2009: 43. На этом фоне, а также с учетом ряда изоглосс, которые помимо кельтского и индо-иранского языков охватывают также и италийский

² Для удобства читателей ссылки на эту классическую работу, опубликованную в 1989 г. и сразу же ставшую библиографической редкостью, даются по второму (исправленному) изданию, вышедшему в свет уже после кончины авторов.

(см. Kalygin, Korolev 2006: 40–41)³, эксклюзивные кельто-иранские лексические параллели унаследованные от праиндоевропейского языкового состояния представлены в этой книге отечественных кельтологов и индоевропеистов единственным примером, др.-ирл. *noéb* ‘святой’ и др.-перс. *naiba-* ‘красивый, хороший’. Это сопоставление является общепринятым, хотя этимология остается спорной, см. различные взгляды, представленные в EDIL V: 435–437; Matasović 2009: 286; Brust 2018: 229 и ср. Wodtko et al. 2008: 7. Понятно, что случайные совпадения кельтской и иранской лексики типа др.-ирл. *ben* ‘жена’ (< и.-е. **g^uenā-*) и сар. *ben* ‘id.’ (< праиранск. **ha-pamī-*, букв. ‘со-госпожа’, ср. Edel’man 2002: 142) в рамках изучения кельто-иранской проблематики не представляют интереса в рамках данного исследования.

Рассматривая эти примеры В. П. Калыгин и А. А. Королев (2006: 40) пишут: «[к]лассическим образцом исследования лексики маргинальных зон индоевропейской языковой области служит статья Ж. Вандриеса (Vendryes: 1918), в которой последовательно и в осторожной форме была обоснована концепция об индоевропейской древности лексических связей кельтских и италийских языков, с одной стороны, и индоиранских — с другой», и, собственно эта работа французского лингвиста дала значительный по объему массив данных для наблюдений московских кельтологов⁴. Впрочем, еще в конце XIX в. появилась тенденция рассматривать эти параллели как результат проникновения определенных лексем из одной языковой

³ Ср. в этой связи список ирано-, индо-ирано-славянских и ирано-балто-славянских сходжений, составленный Д. И. Эдельман (2002: 167–172 и сл.) на основании работ А. А. Зализняка и О. Н. Трубачева 60-х гг. прошлого века. Приведенные в нем данные необходимо использовать с оглядкой на великолепный *Этимологический словарь иранских языков* (EDIL II–VI) и другие работы Джой Иосифны, вышедшие после 2002 г. В рамках настоящего исследования можно обратить внимание на приведенное (с. 169) сопоставление слав. **съ-дравъ* / др.-перс. *duruva* в связи с кельтскими и др.-инд. соответствиями, предложенных для слав. слова в Falileyev 1997: 201–202, или упомянутое (с. 171) в связи с авест. *haoya* ‘левый’ валл. *aswy* ‘id.’; оно не приводится в EDIL III: 391 и см. разные варианты решения подлежащей этимологической проблемы в Matasović 2009: 44 и 360.

⁴ Индо(ирано)-кельтские сходжения рассматривались многими исследователями, ср., напр., Ködderitzsch 1997 или Delamarre 2017: 99–100, 159–164 с дальнейшей библиографией.

области в другую в доисторический период. Гипотеза была высказана Паулем Кречмером и поддержана некоторыми учеными, см. Weiss 2020: 265–68; в двадцать первом веке ее попытался реанимировать С. В. Конча (2015), но, как представляется, без особого успеха⁵, см. ниже.

Унаследованные собственно морфологические параллели между кельтским и иранским также рассматриваются на индо-иранском фоне, ср. Ködderitzsch 1997: 382–85, 388–390, где для них приводятся и более широкие индо-европейские аналогии. Следует отметить, именно данные «восточных» индо-европейских языков, проанализированных, в том числе, и в этой работе Р. Кёддерича, позволили в своё время К. Х. Шмидту высказать — в весьма осторожной форме — предположение касательно «восточного» происхождения кельтского (Schmidt 1996). В частности, Шмидт привёл в этой связи способ образования форм будущего времени глагола с помощью **-sye-/-syo-*, что характерно также для балто-славянского и, возможно, греческого, склоняемое относительное местоимение **ios* и проч. (также в славянском, греческом и фригийском), и — эксклюзивно — дезидеративы с редупликацией на **(H)se-*. К этому списку Г. Айзак добавил и продуктивность образований с сигматическим аористом, характерным также для славянского и греческого (Isaac 2004: 53). Предложенная Шмидтом концепция и ее детали вызвали разнообразные критические замечания (ср. Isaac 2004: 52–3; Falileyev, Kocharov 2012: 65–68 с библиографией), но тезис об «отсутствии специфических грамматических изоглосс» между восточными и западными и.-е. языками (так Koncha 2015: 44) во внимание принимать не следует. В любом случае, конечно, о собственно исключительно кельто-иранских схождениях здесь говорить не приходится.

Во-вторых, В. П. Калыгин и А. А. Королев специально отмечают в приведенной цитате соответствия между индо-иранскими и кельтскими языками, возникшими в результате параллельного развития. К сожалению, авторы не уточняют это положение, хотя в контексте этого их исследования очевидно, что речь идет собственно о схождениях в лексике индо-иранского и кельтского. Очевидно также, что их не интересуют исклю-

⁵ Судя по всему (ср. Weiss 2020: 267), это самая последняя попытка оживить подход, предложенный П. Кречмером.

живно кельто-иранские параллели без индо-арийской составляющей даже на фоне данных других индо-европейских языков. Такие параллели, конечно, существуют и на морфо-синтаксическом уровне часть из них была, к слову, уже изучены (ср. Falileyev 1990). Следует также лишний раз указать на очевидную сложность в разграничении унаследованных кельто-индо-иранских соответствиях от возникших в результате параллельного развития, и озаботиться о статусе собственно кельто-иранских схождениях при отсутствии в них индо-арийского компонента. Ряд таких соответствий в этой связи и будет рассмотрен в этой работе.

Однако сначала хотелось бы обратить внимание на ряд кельто-иранских лексических параллелей, релевантных для дискуссии в рамках указанной темы. Они были предложены сравнительно недавно, и эти свидетельства, как представляется, не получили до сих пор оценки для выявления кельто-иранских схождениях. Понятно, что многие кельто-индо-иранские соответствия, отмеченные еще Кречмером и Вандриесом, регулярно пересматриваются в современной научной литературе, обычно — на широком и.-е. фоне. К примеру, известнейшая параллель, представленная вед. *śraddhā-* ‘доверие’, авест. *zrazdā-* ‘верный’ и др.-ирл. *creitid* ‘он верит’ при лат. *crēdere* ‘верить’ (ср. Kalygin, Korolev 2006: 40–41, об авестийском слове см. De Vaan 2003: 533) была очень подробно вновь рассмотрена М. Вайсом (Weiss 2020: 269–280), ср. также комментарии по поводу других традиционно приводимых в этой связи примеров в Weiss 2020: 267–69. Недавно же предложенные кельто-иранские (или заявленные как таковые) лексические и этимологические сближения нуждаются, как представляется, в дальнейших комментариях, в том числе и с точки зрения их морфологического анализа.

Так, валл. *gwron* ‘герой, воин’ (ср. также зафиксированное в ранних источниках личное имя *Guoruan*, *Guruan*) было возведено Дж. Куком к бриттск. **wirowonos* / *-wanos* из и.-е. **wīro-g^{wh}onos* ‘убивающий людей’ и сопоставлено с авест. *vīragan-* (Koch 1992: 109). Этот авестийский композит (Yt. 14, 37), как и *asva.vīra-gan-* ‘убивающий людей и лошадей’ (Yt. 10, 101), см. Duchesne-Guillemin 1936: 72–3, также учтенный Куком (Koch: 1992, 103), действительно представляет собой точную этимологическую параллель валлийскому слову, и следует

отметить, что в других кельтских и иранских языках рефлексов и.-е. **wīro-g^{wh}onos*, по-видимому, не засвидетельствовано. Можем ли мы расценивать это схождение как собственно кельто-иранское, также учитывая то, что сама морфологическая модель (и именно с этим же вторым компонентом) хорошо представлена как в авестийском (ср. Watkins 1995: 313–20), так и валлийском (примеры в Koch 1992)? Очевидно, что нет, хотя известен и положительный ответ на этот вопрос. Исследователи, анализирующие авестийские и валлийские данные приводят в этой связи и др.-инд. эпитет сомы *a-vīrahan-* ‘не убивающая людей’ (Duchesne-Guillemin 1936: 72; Koch 1992: 103), который содержит обе части реконструированного композита. Таким образом, мы вновь возвращаемся в орбиту кельто-индо-иранских изоглосс, а с учетом других и.-е. параллелей (о гр. ἀνδροφόνος см. Watkins 1995: 497–8, о галльских данных в связи с этим Delamarre 2017: 139–40, 281 и след.) композит должен рассматриваться еще в более широком контексте.

Галльск. *argantokomaterekos* единожды засвидетельствовано в латино-галльской билингве из Верчелли (о значимости этого текста см. уже Kalygin, Korolev 2006: 84–5). Если первая часть этого композита надежно сопоставляется с общекельтским названием серебра (ср. Matasović 2009: 41), то интерпретация второй вызвала оживленные споры. Значительная часть исследователей (В. Майд, Дж. Эска и т. д.) видели в ней рефлекс и.-е. **kom-* + **meH-* ‘отмерять’, ср. галльск. название должностного лица, в ведении которого находятся деньги, *arganto-dannos* (Zair 2012: 35; о семантической модели наименования см. Delamarre 2017: 233–4). П. де Бернардо Штемпель сравнила эту часть галльского композита с др.-перс. *fra-mā-tar* ‘giver of judicial decisions’ (*sic!*, De Bernardo Stempel 1999: 125), и, как представляется, это сопоставление оказалось практически незамеченным. Действительно, др.-перс. *framātār* ‘повелитель, властитель, господин’ и его соответствия в ср.-персидском *framātār*, *framādār* (EDIL V: 326, ср. Brust 2018: 60–61) содержат рефлекс этого реконструированного и.-е. корня. Примечательно, что в иранском слово не стоит обособленно, ср. содержащие этот же префикс и корень глагольные формы типа др.-перс. *framā-* ‘приказывать, располагать’ и проч. (см. примеры в Cheung 2007: 254–56 и EDIL V: 318–30), или реконструкцию общеиранск. **framānā-* ‘приказ, распоряжение’ (EDIL V: 326). Беспрефик-

сальное соответствие др.-перс. *framātār* также известно, ср. авест. имя деятеля *mātar-* ‘тот, кто измеряет’; см. анализ рефлекса и.-е. корня в EDIL V: 316–331. Наличие же идентичного иранским формам др.-инд. *pramātar* ‘Autorität’ (Brust 2018: 60–61) вновь переводит это кельто-иранское сопоставление, впрочем, не разделяемое или неупомянутое многими исследователями, в орбиту кельто-индо-иранских соответствий.

Третья рассматриваемая параллель было совсем недавно представлена именно как эксклюзивно кельто-иранская. Х. Бихлмайер и Шт. Циммер возвращаются к старому кельто-индо-иранскому соответствию, представленному др.-инд. *yoni-* ‘путь, дорога’, хот.-сакс. *gyūna* ‘шаг’ и др.-ирл. *úain* ‘время’ (Bichlmeier, Zimmer 2022: 122–23). Исследователи полагают, что в немецкоязычном гидрониме Јона отражено субстратное кельтск. **iounā-*, которое семантически сопоставимо, скорее, с обычно рассматриваемыми здесь иранскими, нежели индийскими формами. Бихлмайер и Циммер резонно отмечают, что др.-ирландский апеллатив может быть рассмотрен и по-иному (ср. Matasović 2009: 437), однако не обращаются в этот раз к великоллепному *Этимологическому словарю иранских языков*, где подробно и детально рассматриваются иранские данные и их интерпретация (EDIL IV: 94–96). Впрочем, авторы не настаивают на предложенном анализе, также полностью отдавая себя отчет, что построение основывается на единичном примере субстратной гидронимии. Таким образом, этот кельто-иранский параллелизм в семантическом аспекте нельзя признать доказанным, а с точки зрения собственно морфологии (ср. Bichlmeier, Zimmer 2022: 122 и EDIL IV: 94–95) мы имеем дело, как минимум, вновь кельто-индо-иранское соответствие.

Др.-перс. *ubarta-* ‘о ком хорошо заботятся’ было сопоставлено Г. Р. Айзаком с валл. *hyfryd* ‘приятный’, оба к и.-е. < **h₁su-b^hrto-* (Isaac 2001: 73–74). Конечно, и в этом случае мы не имеем дело с эксклюзивной кельто-иранской изоглоссой при наличии др.-инд. *súbhṛta-* (Wackernagel, Debrunner 1954: 580–81). Индийская параллель учитывается иранистами, см. EDIL II: 98; Brust 2018: 144–146, по поводу авест. *hubərəta-* ср. Duchesne-Guillemin 1936: 121. Для нас важно то, что предлагая это кельто-иранское сопоставление Айзак (Isaac 2001: 74) допускает:

«не обязательно рассматривать валлийское и древнеперсидское слово как унаследованное из общего прото-языка. Это возможно, но также они могут просто отражать унаследованную продуктивную морфологию».

Конечно, такой подход к изучению кельто-индо-иранских (и не только) соответствий, по крайней мере, оправдан. Более того, как было показано в другой работе (Falileyev, в печати), для ряда ирландских и валлийских композитов, зафиксированных в средневековую эпоху в поэтических текстах и имеющих точные параллели в других и.-е. языках, он является полностью применимым. Так, греч. εὖ-κλέης ‘добрая слава’ (= др.-инд. *sú-śruta-*) традиционно сопоставляются с валл. *hy-glod* и ирл. *sochlu* ‘id.’. Ирл. *sochla*, *sochlu* ‘знаменитый, известный, почетный’ весьма частотно в ср.-ирл., где оно встречается и в прозаических, и поэтических текстах. Валлийское соответствие, согласно Шт. Циммеру, в увязке с обычно приводимой *comparanda* «вполне мог быть унаследован из оригинального [original, т. е. и.-е.] поэтического языка» (Zimmer 2000: 259). Является ли валл. *hy-glod* действительно непосредственным продолжением и.-е. **h₁su-* & *k’lu-to-*, как и в других приводимых в этой связи примерах? Валлийское слово впервые появляется только в XIV веке в поэзии Эйниона Оффериада, а именно — во фрагменте, где полтора десятка строк открываются словами, начинающимися на *hy-*, часть из которых являются гапаксами, часть — редкими лексемами, впервые зафиксированными именно здесь. Мы знаем, что валлийская поэзия этого периода руководствовалась формальными принципами составления строки, и поскольку Эйнион — совершенно точно — «изобрел» в этом фрагменте несколько композитов на *hy-*, вполне возможно, что *hy-glod* было также его изобретением, которым позднее воспользовался ряд его коллег по поэтическому цеху. Важно, что морфологическая модель с *hy-* ‘хороший’ оставалась весьма продуктивной в средневаллийском (см. Zimmer 2000: 250–267), сам поэт известен как создатель первой грамматики валлийского языка, частично основанной на трудах Доната и Присциана, и знаток латинского, а создание «новых» композитов средневековыми валлийскими поэтами из существующих по отдельности слов являлось обыкновенным. См. далее (Falileyev, в печати) с дальнейшими примерами и их обсуждением. Понятно, что в подобных случаях мы имеем дело именно с «результатом

параллельного развития», о котором говорилось в приведенной цитате В. П. Калыгина и А. А. Королева. Однако в указанном и подобных случаях кельто-иранские параллели выявляются на более широком и.-е. (или, по крайней мере, индо-иранском) фоне. Следует отметить, что гипотеза о параллельных развитии иногда отстает и при анализе древнекельтских данных, как в сопоставлении галльск. *Magiorix* и др.-инд. *mahā-rājā-* в работе Delamarre 2017: 164.

В этой связи материал приставочного словообразования глагола (и существительного) иранских и кельтских языков представляет собой значительный интерес для поиска параллелей в их морфологии⁶. Безусловно, вопрос о превербах, приставках и предлогах в словообразовании остается дискуссионным в индоевропейском языкознании, и неоднократно отмечались проблемы их дифференциации как и сложности, связанные с хронологией создания существующих форм. Эти вопросы были недавно элегантно суммированы Д. Водтко (Wodtko 2013: 216–19, см. Dunkel 2013; 2014 для детального анализа), что позволяет избежать многочисленных оговорок при представлении ниже языкового материала. Впрочем, именно вопрос хронологии соответствующих образований становится архи-важным для предпринятых в этой работе размышлений, и именно он ставится при анализе составных слов иного структурного типа в этих группах языков. Так, эта проблема эксплицитно выражена и Г. Р. Айзаком при анализе соответствия др.-перс. *ubarta-* (др.-инд. *sūbhṛta*) / валл. *hyfryd* < и.-е. **h₁su-b^hrto-* (Isaac 2001: 73–74); здесь, впрочем, необходимо отметить, что валл. *hy-* / ирл. *so-* < и.-е. **h₁su-* выполняет и роль префикса, ср. Zimmer 2000: 253. Даже внутри одной группы языков подобный вопрос, зачастую, остается без ответа. Так, Д. Водтко уместно сомневается в возможности реконструкции общецельтского слова на основании морфологически и этимологически тождественных ирл. *aithrí* ‘низложенный король’ и галльск. ЛИ *Aterix* (Wodtko 2013: 225). Понятно, что продуктивность и валентность превербов или префиксов в том или ином языке на той или

⁶ Об ирано-славянских параллелях в этой связи см. Эдельман 2002: 187–189. О морфологии глагола в древних иранских языках ср. обзор в Skjærvø 2007: 865–878.

иной стадии его развития могут отличаться, что тоже должно учитываться в подобных построениях.

Так, к примеру, рефлексy и.-е. глагола **h₃reg'*- 'выпрямлять(ся), направлять(ся)' обнаруживаются, помимо прочих, в иранском (Cheung 2007: 196–198; EDIL VI: 431–444) и кельтском (Schumacher et al. 2004: 530–534, ср. Matasović 2009: 308). В целом ряде иранских языков (данные приводятся по указанным работам) они сочетаются с иранск. префиксом **abi-* (EDIL I: 72), ср. кл. перс. *afrāz-* 'возвышать' или хорс. *'brzū-* 'чувствовать, замечать'. Формально идентичное сочетание обнаруживается и в кельтском,⁷ ср. валл. *ymreaf* 'to have a sexual intercourse, penetrate', см. анализ этого глагола в Schumacher et al. 2004: 534. В иранском также отмечены производные от этого же корня с приставкой **us/z-*, как, напр., согд. *zryš-* 'поднимать'; если **ud-* в этом конкретном случае генетически идентичен (о сложностях реконструкции в кельтском см. Russell 1988: 115–18, об и.-е. **ud-* см. Dunkel 2014: 823–28), то валл. формы на *-wure* 'подниматься' будут также соответствовать иранским, см. их всеобъемлющий анализ в Russell 1988: 110–111. Примечательно, что в таком случае мы имеем дело не только с историко-морфологической, но и с семантической идентичностью приведенных глаголов.

Список таких формальных параллелей можно продолжить, но предварительно следует отметить следующее. Как было сформулировано В. П. Калыгиным и А. А. Королевым (2006: 145), «приставочные глаголы очень характерны для древнеирландского периода. Всего насчитывается 29 различных превербов, большинство из которых может значительно модифицировать лексическое значение глагола». *Mutatis mutandis*, то же можно сказать и о других хорошо зафиксированных кельтских языках, хотя еще раз следует подчеркнуть, что их список отнюдь не идентичен для всех из них, ср. Wodtko 2013: 216–217, и продуктивность этих моделей оказывается разной. Также понятно, что значительное количество этих превербов имеет и.-е. происхождение, ср. удобную таблицу в Schumacher et al. 2004: 83–84. Таким образом, их сочетание с и.-е. по происхождению глагольными корнями в кельтских языках могут оказать-

⁷ С кельтск. **ambi-* (Matasović 2009: 32); др.-кельтск. примеры приведены в Wodtko 2013: 222–223, и.-е. перспективу см.: Dunkel 2014: 35–40.

ся сопоставимы с соответствующими формами в других и.-е. языках, в данном случае — иранских, о приставках и проч. в котором см., напр. Skjærvø 2007: 879 и 904. Также очевидно, что глаголами это соответствие, как отмечалось выше, не ограничивается, ср. в связи с вышеупомянутым иногда возводимое к этому же сочетанию **h₂emb^hi* & **steh₂-* бактр. существительное *awīṭaḍo* ‘владелец’ (Cheung 2007: 360).

Подобных этим соответствий в глагольной и именной системах двух языковых групп также находится немало. В качестве дополнительных примеров того можно привести сочетания рефлексов нескольких и.-е. корней с рефлексами и.-е. **upo* (см. Dunkel 2014: 830) в иранских и кельтских языках. Так, и.-е. **sterh₃-* ‘распространять(ся)’ в сочетании с ним (см. Matasović 2009: 396) мы находим в ср.-ирл. *fo-fern* ‘установить в порядке’ и ср.-валл. *gwassarni* ‘посыпать (соломой)’ (Schumacher et al. 2004: 601–3), к чему можно добавить и ср.-валл. номинатив *gwasarn* ‘(соломенная) подстилка’. В иранских языках (примеры даются по Cheung 2007: 364–65) глагольные продолжения и.-е. **upo* & **sterh₃-* известны в хот. *baštarr-* ‘посыпать’, семантически соответствующем ряду кельтских параллелей, на основании которых Р. Матасович реконструирует общекельтский глагол **ufo-star-na-* ‘посыпать’ (Matasović 2009: 400), или хорезм. *btsn* ‘делать ровным’. Также зафиксированы и существительные, напр., мл.-авест. *upastərəna* ‘cover’, пашт. *brastən* ‘покрывало’ (см. Cheung 2013: 623) и, возможно, белудж. *pastark* ‘седло’. Сочетание продолжения и.-е. **upo* с глаголом **k^ureih₂-* ‘покупать’ зафиксировано в ср.-ирл. *fo-cren* ‘покупает’ и ср.-валл. *gobrynu* ‘зарабатывать’ (Schumacher et al. 2004: 438–39), а с точки зрения Р. Матасовича мы вправе здесь реконструировать и общекельтск. глагол **ufo-k^wri-na-* ‘покупать, зарабатывать’ (Matasović 2009: 397). Согласно данным Дж. Чёнга (Cheung 2007: 446–47), рефлекс и.-е. **upo* & **k^ureih₂-* в иранском мы наблюдаем только в именной системе, ср. согд. *prxu* ‘оплата’. И.-е. **upo-* & *sed-* ‘сидеть’ отражено как в иранском, напр., осетинск. *badyn* ‘сидеть’, *badæn* ‘сидение’, бактр. *bālān* ‘сидящий’, вах. *rydn* ‘седло’ (EDIL III: 310: 312) так и в кельтском. Мы не находим этого сочетание в списке кельтских глаголов с и.-е. **sed-* Шт. Шумахера (Schumacher et al. 2004: 561–63]), однако ср. валл. *gwahawdd* ‘приглашение’ < **upo-* & *sed-*, восходящее сюда же общекельтск. **ufo-sodyo-*,

представленное ср.-ирл. *fothae* ‘основание’, или галльск. личное имя *Uosedus*, см. Falileyev 2015: 56–57.

Последний пример является весьма показательным, поскольку в нем отражены практически все сложности и неувязки как на формальном уровне (имя vs глагол, огласовки и т. д.), так и на уровне семантики, сопутствующие прямолинейному сопоставлению комбинаций рефлексов одного и тоже и.-е. преверба и корня. Более того, продолжения **upo-* & *sed-* мы находим в галльских и, вполне возможно, венетских личных именах, семантическая интерпретация которых в свете указанных причин остаётся гадательной. Как и в ряде других обсужденных выше данных, рефлексы этой комбинации восходящих к общим и.-е. источникам компонентов мы находим в древнеиндийском (*upa-√sad-* ‘сидеть на, рядом’ и проч., ср. Wackernagel, Debrunner 1954: 17), так и в других и.-е. языках, см. подробно Falileyev 2015. В этой связи следует также вновь прокомментировать традиционно приводимое кельто-индийское (без учета иранского) сопоставление, представленное др.-ирл. *foss* ‘слуга’ и др.-инд. *upasthānam* ‘то же’ (так, ср. Kalygin, Korolev 2006: 40 или Koncha 2015: 47); уместной была бы здесь отсылка к зафиксированному в Ригведе *úpasti-* ‘слуга’ (EWAia I: 222). Это индо-кельтское сопоставление является общепринятым, ср. Delamarre 2017: 63 и 191, и предложенная этимология др.-ирл. *foss* ‘слуга’ (и валл. *gwas* ‘парень’, корнск. *guas* ‘слуга’, к **upo-sth₂-o-*) разделяется большинством современных исследователей. Однако С. В. Конча (2015: 47–8), следуя гипотезе Кречмера об индоирано-кельтских связях, рассматривает это сопоставление по-иному:

«фонетика слова несколько противоречит вероятности его специфически кельтского образования (что сомнительно также ввиду наличия тождественного арийского слова), а структура исключает вероятность его восхождения к индоевропейской праформе. Имеем основания, следовательно, предполагать, что какая-то индоиранская форма близкая к индоарийским *úpasti*, *upasthānam* могла послужить источником кельтских форм, что тем более вероятно ввиду полного совпадения их значений».

Этот вывод основывается на неверных посылах. Во-первых, Конча использует анализ этого общекельтского слова и его дальнейших соответствий Р. Матасовичем (Matasović 2009: 404), что не соответствует общепринятой точке зрения, см.

напр., Wodtko et al. 2008: 636 и 648, а также критические соображения касательно представления формы в *Общекельтском словаре* в работе Zair 2012: 67. Можно, впрочем, отметить, что Д. Водтко называет реконструированное **upo-sth₂-o-* «виртуальным» (virtual) и снабжает эту этимологию кельтских слов вводным «если она правильна», см. Wodtko 2013: 229. Однако немецкая исследовательница здесь не упоминает др.-инд. параллели, а о ее резонных воззрениях на сложности разного рода при реконструкции слов, содержащих превербы, упомянуто выше. Во-вторых, ни фонетически, ни структурно и.-е. происхождение общекельтского слова не является проблематичным. С. В. Конча (2015: 47) ошибочно полагает, что сочетания с префиксом, восходящим к и.-е. **upo*, «являются специфически кельтскими, находя только корневые индоевропейские соответствия», поэтому появление подобного слова в кельтском можно объяснить исключительно заимствованием. Это отнюдь не так: хотя словарь кельтских глаголов Ш. Шумахера не содержит примеры рефлексов и.-е. **upo & sth₂-* (Schumacher et al. 2004: 571–73),⁸ Д. Водтко приводит в этой связи ирл. *fo-sissedar* ‘допускать’ и валл. *gwaesu* ‘помогать’ (Wodtko 2013: 229). Соответствующие же иранские данные мы находим в словаре Дж. Чёнга (Cheung 2007: 358–60). Некоторые из рассмотренных Чёнгом примеров, отражающих комбинацию иранск. **upa-* & **staH-*, возможно, нуждаются в корректировке,⁹ однако ср. с другой огласовкой (см. Wodtko et al. 2008: 637) мл.-авест. и др.-перс. существительное *upastā-* ‘помощь’ (Brust 2018: 143) и дальнейшие параллели в иранских языках в связи с др.-инд. данными (Wackernagel, Debrunner 1954: 77); о модели в авест. см. Duchesne-Guillemin 1936: 60. Что же касается самой этой модели в кельтском, то она весьма хорошо отражена как в

⁸ Ср. также рефлексы этого корня в сочетании с продолжениями и.-е. **h₂emb^hi* в ирландском (др.- и ср.-ирл. *imm-said* с широкой семантикой ‘окружать; просить; соглашаться’ — Schumacher et al. 2004: 571) и ср.-перс., ср. *‘y-st-, yst-*, *‘(y)st-* ‘стоять, быть’ или парф. *‘wyst-* ‘находиться’ (Cheung 2007: 358–359).

⁹ Ср. приводимые тут существительные ср.-перс. *‘byst* ‘place of refuge’ и особенно осет. *baštæ* ‘страна, край, место’, обычно рассматриваемое в связи др.-инд. *upásthā-* ‘лоно’, однако иной подход в Kim 2007: 55. По поводу часто приводимого в связи с осет. словом ЛИ Βαστακος см. важнейшие критические замечания С. Р. Тохтасьева (2016: 999–1002), в связи с др.-иранск. формами см. de Vaan 2003: 173–174.

древне-, так и в т. н. ново-кельтских языках, ср. Delamarre 2017: 191–194. Более того, исследователи уже давно установили совпадения в её реализации в кельтском и индо(-иранском) языковом материале, ср. и.-е. **g^ho-sth₂-o-* > вед. *goṣṭhá-* и кельтиберск. *Poust-* ‘коровник’ (Kalygin, Korolev 2006: 51), ср. тут же и иранск. параллели, напр., др.-перс. *gaustāna-* ‘id.’ (Molchanova 2014: 72 и 81), или и.-е. **pro-sth₂-o-* > др.-инд. *prastha-* ‘горная равнина’ и ирл. *ross* ‘лес’, ср.-валл. *rhos* ‘горная пустошь’. Понятно, что идентичные образования мы находим и в других и.-е. языках, ср. здесь праслав. **nprotъ* (Wodtko et al. 2008: 638 и 650). В любом случае отстаиваемую в статье Конча 2015 идею о заимствовании слова в кельтский следует отметить, ср. также выше соображения по поводу сопоставимого с валл. *hyfryd* индо-иранского материала.

Возвращаясь к собственно ирано-кельтской проблематике и с учетом проанализированных выше примеров, можно еще раз вспомнить о выводах Д. И. Эдельман (2002: 195–200) касательно ирано-славянских языковых параллелей. Оставляя за скобками те из них, которые вызваны языковыми контактами (подобные кельто-иранские связи были постулированы для античности и средневековья и, по крайней мере, часть этого лексического материала, как представляется, нуждается в переоценке), следует отметить, что в нашем случае общие инновации на морфо-синтаксическом уровне отмечены исключительно на более широком типологическом фоне с участием и других и.-е. языков (ср. Falileyev 1990). В целом же, ирано-кельтские сходения должны рассматриваться на кельто-индо-иранском уровне, и попытки реанимировать гипотезу П. Кречмера о контактном их происхождении, а не общем и.-е. наследии, представляются абсолютно неоправданными. Что же касается «материальных инноваций» (Edel'man 2002: 196 и сл.), то кельто-иранские инновации отчетливо прослеживаются исключительно в увязке с индо-иранским и на более хронологически ранних уровнях (ср. Schmidt 1996), и ни в коем случае не являются эксклюзивными. Отдельно стоит вопрос о кельто-иранских параллелях, наблюдаемых в сочетании одних и тех же этимологически тождественными префиксов с глаголами, восходящими к идентичным и.-е. глагольным корням, и сходных явлениях в именной морфологии. Понятно, что в преобладающем большинстве случаев мы имеем дело не с эксклюзивными парал-

леями, и этимологически идентичные формы мы находим и в др.-инд., и / или в других и.-е. языках. Можем ли мы, к примеру, на основании ср.-валл. *gwassarnu* ‘посыпать’ и хот. *baštarr-* ‘id.’ реконструировать общий для кельтского и иранского глагол, отражающий и.-е. **upo & *sterh₃-*? С точки зрения современной индоевропейстики подобный подход является крайне сомнительным (ср. Wodtko 2013: 217), а сложные вопросы, связанные непосредственно с универбацией в протоиндоевропейском (см. разделы в Dunkel 2013, и ср. Skjærvø 2007: 879 для древнеиранского и указанную статью Д. Водтко для кельтского), не ставятся в рамках этой статьи. Более того, параллели кельтско-иранскому соответствию реализации и.-е. **upo & *sterh₃-* вновь обнаруживаются в др.-инд., см. EWAia II: 756. Очевидно, что о кельто-иранской общности, тем более эксклюзивной, в этом аспекте словообразования также говорить не приходится. Конечно, мы имеем дело в подобных случаях с параллелями в словообразовании, в которых участвуют компоненты, предыстория которых, безусловно, уходит в праиндоевропейскую эпоху. Однако эти генетически обусловленные параллели ни в коем случае не претендуют на статус эксклюзивности.

Библиография

- Bichlmeier, H., Zimmer S. 2022: *Die keltischen Flussnamen im deutschsprachigen Raum. Ein keltologisch-indogermanistischer Kommentar zum Deutschen Gewässernamenbuch*. Dettelbach.
- Brust, M. 2018: *Historische Laut- und Formenlehre des Altpersischen. Mit einem etymologischen Glossar*. Innsbruck.
- Cheung, J. 2007: *Etymological dictionary of the Iranian verb*. Leiden; Boston.
- Cheung, J. 2013: Pashto Problems III. Ancient Loanwords from Early New Persian and Indo-Arvan and the Historical Contacts of Pashto and its Speakers. In: *Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица*. СПб., 614–630.
- De Bernardo Stempel, P. 1999: *Wortbildung des älteren Irischen: Stamm-bildung und Derivation*. Tübingen.
- Delamarre, X. 2017: *Les noms des gaulois*. Paris.
- De Vaan, M. 2003: *The Avestan vowels*. Amsterdam.
- Duchesne-Guillemin, J. 1936: *Les composés de l’Avesta*. Liège, Paris.
- Dunkel, G. 2013: *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme*. Bd. 1. Heidelberg.
- Dunkel, G. 2014: *Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominalstämme*. Bd. 2. Heidelberg.

- Edel'man, D. I. 2002: [*Iranian and Slavic languages: historical relations*]. Moscow.
Эдельман, Д. И. 2002: *Иранские и славянские языки: исторические отношения*. М.
- EDIL — *Etymological dictionary of the Iranian Languages*. Vol. 1–6. Moscow: Nauka, 2000–2020.
ЭСИЯ — *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1–6. М.: Наука, 2000–2020.
- EWAia — Mayrhofer, M. 1992–2001: *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd. I–III. Heidelberg.
- Falileyev, A. I. 1990: Combinations «verb 'to do' + nominal component» in Celtic and Iranian languages. *Izvestia RAS, OLYA series*. 49 (3), 256–263.
Фалилеев, А. И. 1990: Сочетания типа «глагол 'делать' + именной компонент» в кельтских и иранских языках. *Известия РАН, серия ОЛЯ*. 49/3, 256–263.
- Falileyev, A. 1997: Cambro-Slavica. *Zeitschrift für celtische Philologie*. 49/50, 198–203.
- Falileyev, A. I. 2015: [On the interpretation of a Venetian anthroponym]. In: [*A name as a quantum of linguistic and historical and cultural analysis*]. Moscow.
Фалилеев, А. И. 2015: К интерпретации одного венецкого антропонима. В сб.: *Имя как квант лингвистического и историко-культурного анализа*. М., 54–59.
- Falileyev, A. Greek τηλεκλυτός 'far-famed' and its Welsh *comparanda*: some reflexes of Indo-European poetic language in medieval Welsh poetry, в печати
- Falileyev A., Kocharov, P. 2012: Celtic, Armenian and Eastern Indo-European Languages: comments on a recent hypothesis. In: *Ireland and Armenia: Studies in Language, History and Narrative*. Washington, 65–84.
- Isaac, G. R. 2004: The Nature and Origins of the Celtic Languages: Atlantic Seaways, Italo-Celtic and Other Paralinguistic Misapprehensions. *Studia Celtica*. 38, 49–58.
- Isaac, G. R. Review of Zimmer 2000 // *Cambrian Medieval Celtic Studies* 2001. V. 41. P. 73–76.
- Kalygin, V. P. Korolev, A. A. 2006: [*An introduction to Celtic philology*]. Moscow.
Калыгин В. П., Королев А. А. 2006: *Введение в кельтскую филологию*. М.
- Kim, R. 2007: Two problems of Ossetic nominal morphology. *Indo-germanische Forschungen*. 112, 47–68.
- Koch, J. T. 1992: Gallo-Brittonic Tasc(i)ouanus 'Badger-slayer' and the reflex of Indo-European g^{wh}. *Journal of Celtic Linguistics*. Vol. 1, 101–118.
- Koncha, S. V. 2015: [On the problem of Ario-Italo-Celtic lexical isoglosses]. In: [*The World of Languages: Foreshortening and Perspective*]. Vol. I. Minsk.

- Конча, С. В. 2015: К вопросу об арио-итало-кельтских лексических изоглоссах. В сб.: *Мир языков: ракурс и перспектива*. Том I. Минск, 43–51.
- Ködderitzsch, R. 1997: Indo-iranisch-keltische Übereinstimmungen. *Zeitschrift für celtische Philologie*. 49–50, 382–395.
- Matasović, R. 2009: *Etymological dictionary of proto-Celtic*. Leiden; Boston.
- Molchanova, E. K. 2014: Compounding in Old Persian and Median. *Nartamongæ*. 11, 72–86.
- Молчанова, Е. К. 2014: Словосложение в древнеперсидском и мидийском языках. *Nartamongæ*. 11, 72–86.
- Russell, P. 1988: The Celtic preverb *uss* and related matters. *Ériu*. 39, 95–126.
- Schmidt, K. H. 1996: *Celtic: A Western Indo-European language?* Innsbruck.
- Schumacher, S., Schulze-Thulin B., aan de Wiel C. 2004: *Die keltischen Primärverben*. Innsbruck.
- Skjærvø, P. O. 2007: Avestan and Old Persian Morphology. In: *Morphologies of Asia and Africa*. Winona Lake, 853–940.
- Tokhtasyev, S. R. 2016: [On the onomastics of the Northern Black Sea region XXIII]. [*Indo-European linguistics and classical philology*]. 20, 999–1010.
- Тохтасьев, С. Р. 2016: Из ономастики Северного Причерноморья XXIII. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 20, 999–1010.
- Vendryes, J. 1918: Les correspondances de vocabulaire entre l'indo-iranien et l'italo-celtique. *Mémoires de la Société de Linguistique*. 20, 265–285.
- Wackernagel, J., Debrunner, A. 1954: *Altindische Grammatik*. Bd. II. 2 *Die Nominalsuffixe*. Göttingen.
- Watkins, C. 1995: *How to Kill a Dragon: Aspects of Indo-European Poetics*. New York; Oxford.
- Weiss, M. 2020: The inner revolution: old but not that old. In: *Dispersals and Diversification*. Leiden, Boston, 263–286.
- Wodtko, D. 2013: Preverbs and personal names. In: *Continental Celtic Word Formation. The Onomastic Data*. Salamanca, 215–234.
- Wodtko, D., Irlinger, B., Schneider, C. 2008: *Nomina im indogermanischen Lexikon*. Heidelberg.
- Zair, N. 2012: *The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Celtic*. Leiden; Boston.